ОЛЬГА СЛОБОДСКАЯ

МУЖ НА ДВОИХ

Дом, который я не отдам

Ольга Слободская

Муж на двоих

«Автор»
2026

Слободская О.

Муж на двоих / О. Слободская — «Автор», 2026

Десять лет я считала свой брак тихим и надёжным. Продала квартиру покойных родителей, чтобы купить наш дом у Волги, и согласилась оформить его на свекровь. «Так спокойнее, Полиночка, мы же одна семья».А потом муж попал в аварию. Я примчалась в больницу и в приёмном отделении увидела молодую женщину с двухлетним мальчиком на руках. Врач открыл карту и спокойно сказал ей: «Проходите, вы у него записаны как жена». Через минуту в коридор вошла моя свекровь и обняла их обоих.Оказалось, у моего идеального мужа уже три года вторая семья, а наш дом тайно выставлен на продажу, чтобы закрыть его долги. Мне предложили собрать вещи, уйти ни с чем и не мешать.Только я не собираюсь дарить им память о родителях и будущее своей дочери. Я нашла самого жёсткого адвоката по семейным делам в городе. Он берётся за дело только ради процента и не терпит женских слёз. Но скоро ему придётся спасать не только мой дом, но и нас с дочкой.

© Слободская О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1. Пролог. Палата 402 5
2. Контактное лицо 8
3. Зелёная папка 12
4. Мой дом, Полиночка 15
5 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Ольга Слободская
Муж на двоих

1. Пролог. Палата 402

Во вторник с утра зарядил мелкий сентябрьский дождь, такой противный, что даже зонт не спасает, потому что вода летит сбоку, прямо в лицо. Я стояла под козырьком художественной школы на Ново-Садовой, держала в одной руке пакет со сменкой, в другой Лизин мольберт в чехле и смотрела на часы. Без десяти семь. Если сейчас не выбежит, мы снова застрянем на повороте к Просеке, а я ещё обещала Антону, что успею запечь рыбу к его возвращению. Он должен был вернуться из Тольятти после восьми, у него там была выездная консультация в филиале.

Лиза вылетела из дверей в расстёгнутой куртке, с синим мазком гуаши прямо на переносице, и сразу сунула мне в руку свёрнутый лист ватмана.

— Мам, смотри, я сегодня собаку рисовала! Только у неё уши получились как у зайца, да?

Я перехватила пакет поудобнее, поправила ей капюшон и успела ответить, что у нормальных дворовых собак уши и должны быть такими, чтобы лучше слышать, когда открывают холодильник. В этот миг в кармане пальто завибрировал телефон.

Номер был городской, незнакомый, начинался с цифр, которые в Самаре знают почти все, у кого есть пожилые родители или маленькие дети. Больница имени Пирогова.

Я прижала трубку к уху, и женский голос, усталый и быстрый, проговорил без всяких вступлений:

— Соколова Полина Андреевна? Вы супруга Антона Сергеевича?

— Да, я. Что случилось?

— Ваш муж поступил к нам после ДТП на Московском шоссе. Без паники, угрозы жизни нет, закрытый перелом ключицы и сотрясение, сейчас в приёмном отделении, потом поднимут в травматологию, четвёртый этаж. Паспорт и полис при нём, но вещи и телефон нужно забрать, да и с дежурным врачом поговорить.

Пока она говорила, я уже открывала заднюю дверцу нашей старой «Шкоды» и сажала Лизу в кресло. Руки не дрожали, наоборот, стали какими-то сухими и холодными, как всегда бывает, когда случается что-то серьёзное и некогда думать.

— Спасибо, я буду через двадцать минут.

Лиза посмотрела на меня из кресла, сразу притихла, прижала свой ватман к груди.

— Мам, с папой что-то случилось?

— Машину поцарапал, зайка, и плечо ушиб, — соврала я ровно, чтобы не пугать, и повернула ключ в зажигании. — Сейчас я тебя к тёте Свете закину на пару часов, ладно? У неё кошка вчера котят родила, ты же хотела посмотреть.

Света жила в двух кварталах от Пироговки, в старой сталинке с высоким крыльцом и вечно скрипучим домофоном. Она даже не стала ни о чём расспрашивать, когда я выскочила из машины под косой дождь, держа Лизу за руку и прижимая к себе её мольберт. Просто открыла дверь в домашнем фланелевом халате, сразу подхватила у меня пакет со сменкой, завела Лизу в тёплую, пахнущую шарлоткой прихожую и сунула мне в карман пальто чистую бумажную салфетку.

— Поль, ты сама-то дышишь? — спросила она негромко, глядя на моё мокрое лицо. — Сильно он?

— Сказали, ключица и сотрясение, угрозы жизни нет, — ответила я, торопливо поправляя волосы. — Свет, извини, что так свалились на голову, я только вещи заберу, с врачом поговорю и сразу за Лизой вернусь, часа через два.

— Какие «извини», ты чего, — отмахнулась подруга, придерживая за плечи Лизу, которая уже тянула голову в сторону коридора, где мяукала кошка. — Езжай спокойно, не гони по мокрому, я Лизу накормлю и спать уложу, если задержишься. Звони, как выйдешь от врача.

Я выбежала обратно под дождь, села в «Шкоду» и через пять минут уже сворачивала в ворота больницы имени Пирогова. Пока я искала свободное место на тесной, залитой водой парковке, я всё думала о глупых, мелких вещах: успею ли я завтра утром купить в аптеке эластичный бинт и обезболивающее, придётся ли мне отменять четверговых учеников, чтобы возить Антона на перевязки, и не остынет ли рыба, которую я так и оставила в холодильнике в маринаде. Мне даже в голову не приходило, что через десять минут я забуду про эту рыбу навсегда.

Приёмное отделение больницы имени Пирогова вечером во вторник пахло мокрыми куртками, хлоркой и дешёвым кофе из автомата. Зелёный линолеум был исчерчен чёрными полосами от каталок, у стены на облупленных стульях сидели двое мужчин с перевязанными руками и женщина в пуховике поверх халата. Я прошла к окошку регистратуры, расстёгивая мокрое пальто, но не дошла шага три, потому что перед стеклом уже стояла девушка.

Тоненькая, лет двадцати семи, в светлом бежевом пальто, явно не по погоде, с аккуратно собранными в хвост светлыми волосами. На руках она держала мальчика года два, в тёмно-синем комбинезоне и смешной шапке с помпоном. Мальчик хныкал и тёр глаза кулачком, а девушка говорила быстро, чуть задыхаясь, прижимая к стеклу сложенную вдвое бумажку.

— Девушка, ну вы посмотрите, я же вам говорю, я его жена! Вот свидетельство о рождении нашего сына, смотрите на фамилию, Соколов Артём Антонович! Мне сказали, его на четвёртый поднимают, в четыреста вторую!

Я остановилась так резко, что каблук скользнул по мокрому линолеуму.

«Соколов Артём Антонович».

Имя прозвучало буднично, как объявление остановки в трамвае. Редкое совпадение? В Самаре, конечно, хватает Соколовых. И Антонов хватает. Просто совпадение, сказала я себе, но ноги почему-то не двигались.

Из-за стекла выглянула та самая усталая медсестра в голубом костюме, взяла свидетельство, пробежала глазами, потом повернулась к монитору, щёлкнула мышкой.

— Соколов Антон Сергеевич, восемьдесят девятого года? — уточнила она ровным голосом.

— Да, да, он! — кивнула девушка, поправляя съехавшую с плеча сумку. — Его с Московского шоссе привезли, на чёрном «Тигуане».

— Вижу, — медсестра кивнула и придвинула к себе бланк. — Да, в анкете поступления он указал вас контактным лицом. Жена, Олеся Игоревна. Только в отделение с ребёнком нельзя, бахилы возьмите, и подождите тут минутку, сейчас санитарка выйдет, вещи отдаст, а потом поднимитесь на четвёртый, палата четыреста два.

Я стояла в трёх шагах позади них и смотрела на затылок этой Олеси. На её аккуратный светлый хвост. На маленький золотой гвоздик в мочке уха. На то, как мальчик положил голову ей на плечо, и в профиль, с его чуть вздёрнутым носом и светлыми бровями, он был до смешного, до тошноты похож на Лизу в два года.

В голове не звенело и не темнело, как пишут в книжках. Наоборот, всё стало слишком резким, громким и ясным. Даже слышно было, как гудит холодильник в буфете за углом и как у меня самой стучат зубы от мокрых туфель.

Антон восемьдесят девятого года. Чёрный «Тигуан». Жена, Олеся Игоревна. И сыну года два. Значит, когда Лиза шла в первый класс и мы всем домом выбирали ей ранец, эта женщина уже носила его ребёнка.

Входная дверь приёмного отделения с тяжёлым стуком распахнулась, впустив сырой ветер с улицы. Я автоматически обернулась на звук.

В коридор быстрым шагом вошла Галина Петровна, моя свекровь. На ней был её любимый бордовый плащ и платок, повязанный под подбородком, в руках она держала большой пакет с домашним бульоном в стеклянной банке, завёрнутой в полотенце. Я знала это полотенце, клетчатое, льняное, я сама дарила ей набор на Восьмое марта.

Галина Петровна меня не заметила. Она прошла мимо меня, прямо к девушке в светлом пальто, выдохнула с облегчением, перехватила пакет в одну руку, а другой крепко обняла Олесю за плечи и поцеловала в щёку.

— Ну слава богу, Олесенька, успела, — заговорила она тем самым мягким, ласковым голосом, каким обычно хвалила Лизу за пятёрки. — Тёмушка, иди к бабушке, мой хороший, иди, замёрз совсем...

2. Контактное лицо

Я не закричала. Не знаю, почему, может быть, просто не хватило воздуха, а может, сработала многолетняя привычка держать лицо при посторонних. На работе я каждый день имею дело с чужими истериками, правда, детскими, и точно знаю, что крик в замкнутом помещении ничего не решает, от него только уши закладывает и мозги отключаются.

Я стояла у автомата с кофе, в двух шагах от них, и смотрела, как Галина Петровна ловко перехватывает мальчика на руки. Тёма сразу обхватил её за шею, уткнулся носом в бордовый плащ, привычно, как делал это не в первый и не в десятый раз. Не к чужой тёте пошёл, к родной бабушке.

— Ну как он, Олесь? — Галина Петровна чуть понизила голос, но в пустом углу приёмного каждое слово отдавалось от кафельных стен. — Врач выходил?

— Сказали, ключица сломана и сотрясение, но не тяжёлое, — ответила Олеся, вытирая мокрую прядь со лба. Голос у неё был звонкий, чуть быстрый, с характерным напряжением в связках, какое бывает у людей, привыкших командовать на ресепшене. — Главное, в сознании. Мне из скорой позвонили с его телефона, он сам продиктовал номер. Я чуть с ума не сошла, Галина Петровна, Тёму в чём был схватила и на такси...

— Молодец, что мне сразу набрала, — свекровь погладила её по плечу, потом нахмурилась, и на лице у неё появилось то деловое, строгое выражение, какое бывает у бывшего завуча перед педсоветом. — Слушай, а сделке это не помешает? Риелтор же завтра утром задаток принимает, Антон сам должен был приехать, с покупателем поговорить.

— Да я почём знаю, — огрызнулась Олеся, сразу потеряв испуганный вид. — Главное, чтобы он завтра в себя пришёл и всё подписал, или вы сами подпишите, дом-то на вас. Тянуть больше нельзя, Антон сказал, у него крайний срок до конца ноября, иначе в клинике всё всплывёт.

Я слушала и чувствовала, как у меня внутри что-то медленно, ровно встаёт на место, как шестерёнка, которая давно проскальзывала, а теперь вдруг зацепилась за зубцы.

Сделка. Дом на вас. Задаток завтра утром.

Я сделала два шага вперёд, каблуки стукнули по линолеуму, и этот стук почему-то прозвучал громче, чем я ожидала.

— Добрый вечер, Галина Петровна, — сказала я ровно.

Свекровь дёрнулась так резко, что мальчик у неё на руках захныкал. Она повернула голову, увидела меня, и лицо у неё за секунду стало серым, как мокрый мел. Она даже рот приоткрыла, но не сказала ни слова, только крепче прижала к себе внука, словно боялась, что я сейчас брошусь на ребёнка.

Олеся повернулась следом. На секунду в её глазах мелькнул страх, но она быстро взяла себя в руки, выпрямила спину и посмотрела на меня оценивающе, с головы до ног, задержавшись на моих мокрых туфлях и простом тёмном пальто. Она меня знала. По фотографиям, по рассказам, неважно, но она сразу поняла, кто я.

— Олеся, иди посиди в углу с Тёмой, — быстро сказала Галина Петровна, передавая мальчика обратно и подталкивая её к стульям у окна. — Иди, я сама поговорю.

Олеся не стала спорить. Она подхватила сына, бросила на меня короткий, почти брезгливый взгляд и отошла к окну, демонстративно отвернувшись.

Галина Петровна осталась передо мной с клетчатым пакетом в руках. Она быстро пришла в себя, поджала губы, расправила плечи. Я знала это движение наизусть: сейчас она перейдёт в наступление под видом заботы.

— Полиночка, ты откуда здесь? — спросила она тем самым мягким, учительским тоном, от которого у меня всегда раньше сжимались плечи. — Тебе же звонить не должны были, Антон не хотел тебя пугать, у тебя и так давление...

— Мне позвонили из регистратуры, — ответила я. — По паспорту я всё ещё его жена. В отличие от неё.

Я кивнула в сторону окна, где Олеся доставала из сумки печенье для мальчика.

— Полина, ну не начинай здесь, люди смотрят, — Галина Петровна понизила голос и сделала шаг ближе, от неё пахло её привычными духами «Клима» и куриным бульоном из пакета. — У Антона сотрясение, ему нельзя волноваться. Давай выйдем на улицу, поговорим спокойно, как взрослые люди.

— Мне не нужно на улицу. Ответьте на один вопрос. Сколько лет?

Свекровь помолчала секунду, оценивая, стоит ли врать, и, видимо, поняла, что при двухлетнем ребёнке на руках у Олеси врать бессмысленно.

— Три, Полиночка, — сказала она тихо и без всякого раскаяния. — Три с половиной, если точно. Я хотела, чтобы Антон сам тебе сказал, ещё в прошлом году говорила, но он тебя жалел. Ты же сама видишь, как вы жили в последнее время. Как соседи. Ему женщина живая нужна была, и сын, наследник. У тебя с Лизой всё хорошо, никто вас не бросает, просто...

— Три года, — перебила я.

У меня в голове вдруг прокрутились все эти три года, как на перемотке. Как Галина Петровна приезжала к нам на Просеку по воскресеньям, пила мой чай, хвалила пирог с капустой, жаловалась на колени и спрашивала, почему я не рожу Антону мальчика. Как Антон уезжал «на дежурства» и «конференции в Тольятти», а я собирала ему чистые рубашки и складывала в контейнер домашние котлеты.

— Вы к ним ездили, — сказала я, глядя ей прямо в глаза. — Вы на его день рождения ездили, да? Когда в прошлом октябре сказали, что у вас спину прихватило и вы на Лизин утренник не придёте.

— Полина, не делай из меня чудовище! — в голосе свекрови наконец прорезалась настоящая, сухая злость, без учительского сахара. — Я мать! Мне важно, чтобы мой сын был счастлив, а не ходил домой как на каторгу. Ты себя в зеркало видела? Дом, работа, уроки, всё по расписанию. А Олеся ему мальчика родила. И вообще, не место здесь отношения выяснять. Поезжай домой к Лизе, я сама с Антоном побуду, утром поговорите.

Из коридора вышла санитарка с большим чёрным пакетом и громко позвала:

— Кто к Соколову? Вещи заберите, куртка, ботинки, телефон вон в кармане. В палату пока не пускают, он спит после укола, завтра с девяти приходите.

Олеся мигом вскочила со стула, но Галина Петровна сделала ей знак рукой, сама подошла к санитарке, забрала пакет и быстро сунула в него руку, словно проверяя, на месте ли телефон.

Я не стала вырывать у неё пакет. Зачем? Чтобы две женщины в приёмном отделении Пироговки тянули друг у друга помятую куртку неверного мужа на глазах у двух мужчин с перевязанными руками? Увольте.

Я посмотрела на свекровь, потом на Олесю, которая снова встала рядом с ней, прижимая к себе мальчика. Они стояли плечом к плечу, как настоящая семья, в которой я была лишним, мешающим прохожим.

— Что за сделка завтра утром? — спросила я тихо.

Галина Петровна на долю секунды замерла, её пальцы чуть сильнее сжали ручки чёрного пакета. Она всегда проглатывала окончание слова, когда начинала юлить, я знала эту её привычку лучше, чем она сама.

— Какая ещё сделка? Тебе послышалось, Полина, мы про машину говорили, надо же со страховой решать. Всё, поезжай домой, не накручивай себя.

— Она сказала «дом-то на вас», — уточнила я.

Свекровь поджала губы так туго, что вокруг рта собрались мелкие морщинки. Взгляд у неё стал ледяным, расчётливым, таким, какого я у неё за десять лет брака не видела ни разу.

— Тебе сейчас лучше о дочке думать, а не чужие разговоры подслушивать, — отрезала она. — Приеду завтра утром, всё обсудим спокойно.

Я не стала больше ничего говорить. Просто развернулась и пошла к выходу. За спиной хлопнула дверь, дождь на улице усилился, превратившись в холодную стену, и асфальт на парковке блестел под фонарями, как разлитое масло.

Я села в «Шкоду», закрыла дверь и минуту просто сидела в темноте, положив ладони на руль. В машине пахло мокрой шерстью и Лизиным яблоком, которое она не доела по дороге на рисование.

Три года.

Не случайная интрижка, не «оступился по пьяни». Три года параллельной жизни, с ребёнком, с бабушкой, с общими праздниками, с вписанной в медицинскую карту «женой». И пока я варила ему супы и откладывала покупку нового зимнего пальто, потому что «Полиночка, надо крышу на веранде перекрыть и котёл поменять», он покупал другой женщине светлое пальто, кормил второго ребёнка, а теперь они с матерью собрались продать мой дом.

Наш дом на 6-й Просеке. Дом, ради которого я семь лет назад продала трёхкомнатную квартиру моих покойных родителей на улице Самарской. Квартиру, в которой я выросла, где папа учил меня кататься на велосипеде во дворе, а мама пекла тонкие блины по воскресеньям. Одиннадцать с половиной миллионов я тогда отдала Антону, не глядя, даже расписки не взяла, и ещё согласилась оформить покупку на Галину Петровну, потому что Антон тогдатолько перешёл в частную клинику и убедил меня, что врачам-хирургам опасно держать на себе дорогую недвижимость, вдруг пациент подаст в суд за осложнение. «Мама же своя, Полина, перепишет на тебя потом, когда всё устаканится».

Семь лет я ждала, когда устаканится.

Я достала телефон и набрала Свету.

— Свет, привет, — голос у меня оказался на удивление ровным, только чуть севшим. — Лиза спит уже?

— Нет ещё, с котятами возится, я ей какао сварила, — отозвалась подруга. — Ну как там Антон? Сильно разбился?

— Ключица и сотрясение, жить будет, — сказала я, поворачивая ключ в зажигании. — Свет, можно Лиза у тебя сегодня переночует? Я заберу её завтра утром, прямо перед школой, вещи завезу.

В трубке на секунду стало тихо. Света знала меня пятнадцать лет, её не проведёшь ровным голосом.

— Поль, ты чего? Случилось что? Голос у тебя какой-то...

— Потом расскажу, — перебила я. — Мне сейчас нужно домой съездить. Одной. Пока там никого нет.

— Хорошо, оставляй, конечно, у меня диван в детской свободный, — сразу посерьёзнела Света. — Только ты не молчи, ладно? Если что, звони в любое время, хоть в три ночи.

Я положила телефон на пассажирское сиденье и выехала с парковки на Московское шоссе. Дворники с глухим стуком сгоняли воду со стекла. До 6-й Просеки было минут двадцать пять без пробок.

Галина Петровна сказала, что приедет завтра утром. Значит, сейчас, в половине девятого вечера, она либо ещё в больнице с Олесей, либо поехала к себе в Октябрьский район кормить внука и укладывать спать. Впрочем, зная мою свекровь, она могла сообразить, что я услышала про сделку, и сорваться на Просеку прямо сейчас, чтобы забрать документы из дома.

Я нажала на газ сильнее.

Дом встретил меня тёмными окнами. Наша старая яблоня у калитки скрипела ветками на ветру, фонарь над крыльцом горел тусклым жёлтым светом, мы всё собирались поменять лампочку на светодиодную, да руки не доходили. Я загнала машину за ворота, но не стала ставить её в гараж, оставила прямо на площадке, мордой к выезду, сама не знаю зачем.

В прихожей пахло домом: яблоками с веранды, Лизиным шампунем и тем самым рыбным маринадом, который я успела поставить в холодильник утром. Всё было на своих местах. На вешалке висела демисезонная куртка Антона, на полке стояли его кроссовки, на тумбочке лежала его запасная связка ключей от гаража. Обычный семейный дом, в котором ничего не случилось.

Я не стала даже снимать пальто, только скинула мокрые туфли и босиком пошла на второй этаж, в маленькую комнату, которую мы называли кабинетом Антона. Там стоял его письменный стол, шкаф с медицинскими книгами и узкая металлическая тумба с замком, в которой хранились все наши документы: свидетельства, полисы, договоры, техпаспорта.

Ключ от тумбы Антон всегда держал на верхней полке книжного шкафа, за толстым томом атласа анатомии. Я знала это место, но за семь лет ни разу не доставала оттуда бумаги без спроса. Мне просто не приходило в голову проверять мужа.

Я встала на цыпочки, провела пальцами за тяжёлым переплётом. Ключ был на месте.

Замок щёлкнул тихо и легко. Я выдвинула верхний ящик и сразу поняла, что здесь уже навели порядок. Половина папок исчезла. Остались только мои документы, Лизино свидетельство о рождении, старые гарантийные талоны на стиральную машину и счета за газ. Зелёной папки, в которой лежал договор купли-продажи дома на Просеке и расписки от прежних хозяев, не было.

Я выдвинула нижний ящик, потом проверила стол Антона. Под стопкой журналов по ортопедии лежал смятый конверт из-под выписки и несколько сложенных вдвое листов А4, явно распечатанных на офисном принтере. Я развернула первый лист и села прямо на край стула.

Это была распечатка с сайта объявлений.

На фотографии был наш дом. Снятый снаружи, с улицы, ещё в августе, когда яблоня стояла зелёная и на балконе сушилось наше постельное бельё. «Продаётся кирпичный дом на 6-й Просеке, 160 кв. м, участок 6 соток, до Волги 15 минут. Один взрослый собственник, чистая продажа, быстрый выход на сделку. Цена: 13 500 000 рублей. Торг реальному покупателю».

Тринадцать с половиной. Соседний дом, точно такой же, без нашего нового котла и ремонта, в прошлом месяце ушёл за шестнадцать с половиной. Они скинули три миллиона, лишь бы продать за неделю.

Я перевернула лист. Под ним лежал черновик предварительного договора купли-продажи с пустой графой даты и вписанным от руки именем риелтора, а ниже, скреплённые степлером, несколько чеков и квитанций о переводах. Я не успела толком их разглядеть, потому что внизу, на первом этаже, звякнули ключи и повернулся замок входной двери.

Я замерла, держа бумаги в руках.

В доме стало слышно, как кто-то стряхивает зонт в тамбуре, а потом по плитке в прихожей застучали знакомые невысокие каблуки. Галина Петровна приехала быстрее, чем я думала.

3. Зелёная папка

Внизу щёлкнул выключатель в прихожей. Шаги остановились, видимо, Галина Петровна заметила мои мокрые туфли на коврике.

— Полина? — позвала она снизу. Голос прозвучал осторожно, почти ласково, но на последнем слоге чуть дёрнулся вверх. — Ты дома уже? А где Лиза?

У меня было секунд десять, не больше. Я сгребла распечатку объявления, черновик договора и скреплённые чеки, свернула их пополам и сунула в глубокий внутренний карман пальто. Тумбу задвинула тихо, повернула ключ и положила его обратно за атлас анатомии. Потом вышла на лестничную площадку, стараясь дышать ровно.

— Лиза у Светы ночует, — ответила я, спускаясь по ступенькам. — Я заберу её утром перед школой.

Галина Петровна стояла в прихожей, уже без плаща, в тёмно-синем кардигане. В руках она держала тот самый чёрный пакет с вещами Антона из больницы. Увидев меня в пальто, она чуть нахмурилась, оценивая, успела я куда-то залезть или только вошла.

— А чего не раздеваешься? — спросила она, проходя на кухню и ставя пакет на стул. — Я чайник поставлю, мёрзлая вся, дождь этот невозможный. Антон проснулся перед моим уходом, просил передать, чтобы ты не переживала. Завтра к обеду его уже отпустят домой, если снимок контрольный нормальный будет.

— Он просил передать мне? — переспросила я, останавливаясь в дверях кухни. — Через вас? Не позвонил сам?

— У него телефон разрядился в машине, Полиночка, да и голова кружится после сотрясения, — свекровь спокойно налила воды в чайник и поставила его на подставку. — Я сама ему зарядку завтра утром отвезу. Ты бы разделась, а то натоптала тут, я только в субботу полы мыла.

Она действительно мыла полы в субботу? Нет, полы в субботу мыла я, пока она пила чай на веранде и рассказывала, какая у её подруги невестка неряха. Но спорить об этом сейчас было смешно.

Я сняла пальто, но не повесила его на общую вешалку в прихожей, а перекинула через руку и понесла с собой наверх, в нашу спальню.

— Галина Петровна, а Антон давно в Тольятти на консультации ездит? — спросила я вдруг, останавливаясь у первой ступеньки, чтобы проверить, как она отреагирует.

Свекровь даже не повернулась от чайника, только чуть поправила рукав кардигана.

— Полиночка, я в работу сына не лезу, ты сама знаешь, — ответила она гладко, без единой паузы. — Он хирург, у него постоянные выезды, конференции. Я вообще считаю, что хорошая жена мужа лишними вопросами не дёргает, когда он деньги в дом носит. Иди-иди, ложись, глаза вон красные совсем.

Она сказала «деньги в дом носит» с таким спокойным достоинством, будто сама не знала, в какой именно дом он носил эти деньги последние три года. Мне вдруг вспомнилось, как в феврале, когда у нас потёк смеситель в ванной, Антон три недели не мог «найти время» вызвать сантехника, а Галина Петровна приехала в гости и с ласковой улыбкой сказала мне: «Ну что ты его пилишь, Полиночка, мужик на износ работает, могла бы и сама мастера найти». Я тогда и нашла, и заплатила со своей карты, и ещё извинилась перед мужем, что потревожила его пустяком.

— Я умоюсь и спать лягу, Галина Петровна, — сказала я ровно. — Завтра в восемь первый урок у Лизы, а потом у меня пять детей подряд.

— Конечно, милая, иди отдыхай, — слишком быстро согласилась она. — Я в гостевой на первом этаже переночую, чтобы утром вас не будить, да и к Антону отсюда по пути, заеду заодно по делам.

«По делам», это, видимо, к риелтору, принимать задаток за мой дом.

Я поднялась в спальню, закрыла дверь на тихий поворот защёлки и впервые за вечер прислушалась к себе. Руки наконец-то задрожали, мелкой, противной дрожью, от которой трудно даже расстегнуть молнию на кармане. Я села на край кровати, достала спрятанные бумаги и разложила их под настольной лампой.

На распечатке объявления внизу стоял номер телефона и имя риелтора: «Аркадий». Я присмотрелась к фотографиям: на втором снимке была наша гостиная с бежевым диваном, а на третьем кухня, снятая с такого ракурса, чтобы не было видно Лизиных рисунков на холодильнике. Снимали, судя по солнцу за окном и по тому, что на столе стояла пустая ваза без августовских флоксов, в какой-то будний день, пока я была на работе, а Лиза в лагере при школе. Чужой человек ходил по моей кухне в обуви, фотографировал плитку, которую я сама выбирала три недели, и оценивал, за сколько дней можно продать мою жизнь.

Под черновиком предварительного договора лежали три квитанции на переводы с карты Антона на имя Корнеевой Олеси Игоревны. Восемьдесят тысяч в августе, восемьдесят пять в июле, сто двадцать в июне. Ещё чек из автосалона на ТО какого-то кроссовера «Хавал», хотя у Антона «Тигуан», а у меня старая «Шкода», которой десять лет в обед, и в июле я сама копила два месяца, чтобы поменять на ней передние тормозные диски. Рядом приткнулся мятый кассовый чек из детского магазина в «Космопорте»: ортопедические сандалии двадцать третьего размера и деревянная железная дорога за девять тысяч рублей. Лиза в прошлом году просила новый велосипед, и Антон сказал, что «потерпим до следующего лета, сейчас лишних трат хватает».

Я сфотографировала каждую бумажку на телефон, проверила, чтобы все цифры и фамилии читались чётко, и только потом вспомнила про главное.

Где мои документы о продаже маминой квартиры на Самарской?

Зелёную папку Антон или Галина Петровна уже унесли. Скорее всего, она давно лежит у свекрови в квартире в Октябрьском районе, вместе со свидетельством о собственности на дом. Если я завтра пойду к юристу с пустыми руками, мне скажут: «Милая девушка, а чем вы докажете, что вложили туда хоть копейку?»

Я встала и посмотрела на высокий шкаф в углу спальни. На самой верхней полке, за чемоданами и коробками с ёлочными игрушками, стояла старая обувная коробка из-под папиных ботинок, перевязанная бечёвкой. Я не открывала её лет пять. Там лежали мамины письма, которые она писала мне из санатория в Кисловодске, старые фотографии, мой школьный аттестат и синий металлический термос отца, который он брал на рыбалку на Волгу, с помятым дном и потёртой крышкой. Мама умерла, когда мне было двадцать пять, через год после папы, и я до сих пор помнила запах её старого крема для рук и то, как она всегда говорила перед любой сложной задачей: «Полина, глаза боятся, а руки делают, только не реви раньше времени».

Когда мы переезжали сюда семь лет назад, я сложила в эту же коробку все вторые экземпляры бумаг, которые риелтор отдал мне после сделки по Самарской. Антон тогда смеялся, говорил, зачем ты тащишь эту макулатуру, всё главное в зелёной папке. Хорошо, что я тогда его не послушала.

Я подставила стул, стараясь не скрипнуть полом, и потянулась к антресоли.

Коробка оказалась тяжёлой и пыльной. Я спустила её на кровать, развязала бечёвку и подняла крышку. Сверху действительно лежал отцовский синий термос, завёрнутый в фланелевую пелёнку, под ним пачка фотографий, а на самом дне, в прозрачном файле, помятый договор купли-продажи трёхкомнатной квартиры на улице Самарской от 14 мая 2019 года. Цена продажи: одиннадцать миллионов пятьсот тысяч рублей. Рядом лежали два банковских

приходно-кассовых ордера и выписка о переводе этой суммы на счёт Антона Соколова от 16 мая 2019 года, с назначением платежа «перевод супругу». И ещё тонкая стопка чеков из строительного магазина на Московском шоссе за 2020 и 2021 годы, оплаченных моей зарплатной картой: металлочерепица на веранду, плитка для кухни, газовый котёл.

Я выдохнула так, будто полчаса держала на плечах мешок цемента. Бумаги были здесь. Настоящие, с синими банковскими печатями.

Я переложила файл в свою большую кожаную сумку, туда же сунула и распечатку объявления с чеками Антона, а сверху, почти машинально, положила отцовский синий термос. Не знаю, зачем он мне понадобился именно сейчас, наверное, просто не могла оставить его в доме, который у меня собираются украсть.

Часы на тумбочке показывали половину одиннадцатого. Внизу на кухне приглушённо работал телевизор, но я услышала, как звук вдруг убавили, а потом послышался негромкий, но отчётливый голос Галины Петровны. Она говорила по телефону.

Я тихо приоткрыла дверь спальни и шагнула на верхнюю ступеньку. Лестница у нас деревянная, в двух местах скрипит, я знала эти ступеньки наизусть и легко их перешагнула.

— Да не ори ты на меня, Антон, — говорила Галина Петровна внизу, и в голосе её не было ни грамма той учительской сладости, которую она включала для меня. — Я сама не ожидала, что ей из приёмного позвонят! Откуда я знала, что они по паспорту жену пробьют? Уснула она наверху, тихо сидит. Нет, ничего она не видела, папка у меня давно в квартире лежит.

Пауза. Видимо, Антон что-то быстро говорил в трубку.

— Завтра в десять Аркадий привезёт покупателя с задатком, — продолжила свекровь, понизив голос, но эхо в пустом холле доносило каждое слово. — Я всё подпишу сама, тебе и вставать не надо. А с Полиной завтра же решим. Я ей объясню спокойно, что дом продан, пусть снимает квартиру, ты ей будешь тысяч двадцать на Лизу кидать. Куда она денется? У неё ни денег, ни связей, одна тихая дурочка, поплачет неделю и успокоится. Главное, чтобы Вадим тебя до декабря не трогал, передай ему, что к пятнадцатому октября деньги будут на руках.

Я стояла на лестнице в темноте, держась за деревянные перила.

«Одна тихая дурочка, поплачет неделю и успокоится».

Вот как они обо мне думали все эти десять лет. Я старалась не спорить, не пилить мужа, ушла на полставки ради дочки и дома, варила свекрови её любимый кисель, когда она приезжала в гости, потому что считала это нормальной, тёплой семьёй. А для них это значило только одно: удобная, тихая дурочка, которую можно выставить за дверь с одним чемоданом, когда понадобятся деньги.

— Всё, спи, Антоша, — закончила разговор Галина Петровна. — Я завтра утром в восемь выеду, чтобы успеть к нотариусу и к риелтору. А ты днём приезжай, поможешь ей вещи собрать, а то она тут ещё месяц рассиживаться будет.

Внизу щёлкнул выключатель, хлопнула дверь гостевой комнаты.

Я тихо вернулась в спальню, закрыла дверь и до самого утра почти не спала. Не плакала, просто сидела в кресле у окна, смотрела, как дождь стучит по крыше веранды, и собирала в голове список того, что нужно забрать из этого дома утром, пока они не сменили замки. Паспорт, свидетельство Лизы, её зимняя куртка и учебники, мои документы, ноутбук, немного одежды на первое время. И самое главное: мне нужен адвокат. Не знакомый юрист из соседнего подъезда, который посоветует «договориться по-хорошему», а человек, который умеет рвать таких, как Галина Петровна и мой идеальный муж.

Когда за окном начало сереть, я тихо собрала две большие дорожные сумки, спустила их в прихожую и поставила прямо у двери. В семь утра на кухне зашумела вода.

Я вышла из комнаты уже одетая, с кожаной сумкой на плече, в которой лежали мамины документы и синий термос. Пора было поговорить без всяких «Полиночек».

4. Мой дом, Полиночка

Галина Петровна сидела за кухонным столом в шёлковом халате, который она держала у нас «на всякий случай», и неторопливо пила кофе из моей любимой белой кружки с синей каёмкой. Увидев меня в пальто, а за моей спиной две собранные дорожные сумки в прихожей, она на секунду удивилась, а потом на лице её проступило явное облегчение.

— Вот и умница, — сказала она, ставя кружку на блюдце. — Я всегда говорила Антону, что ты девочка разумная, истерик устраивать не станешь. Садись, кофе ещё горячий. Я сейчас за руль, мне в десять на встречу, так что поговорим быстро.

Я не стала садиться. Прислонилась плечом к дверному косяку и посмотрела на неё сверху вниз.

— Вы продаёте дом, — сказала я ровно.

Галина Петровна не моргнула. Только поджала губы тем самым движением, которое я за десять лет изучила до миллиметра.

— Продаю, Полина. И не нужно делать такое лицо. По закону этот дом принадлежит мне, в выписке из ЕГРН стоит моя фамилия. Я семь лет позволяла вам здесь жить бесплатно, коммуналку вы платили за себя сами, так что никаких долгов у меня перед тобой нет.

— Вы купили этот дом на деньги от продажи квартиры моих родителей, — сказала я, стараясь, чтобы голос не сорвался. — Одиннадцать с половиной миллионов. Я отдала их Антону шестнадцатого мая девятнадцатого года, а через два дня вы подписали договор с прежними хозяевами.

— Полиночка, милая, ну какие фантазии, — свекровь мягко улыбнулась, но глаза у неё оставались сухими и холодными, как стекло. — Квартиру ты продала, деньги вы с Антоном потратили на жизнь, на поездки, на машину, на твои бесконечные траты. А дом покупала я, на свои сбережения и деньги, которые Антон мне помогал откладывать ещё до вашего брака. Пойди докажи обратное, если есть желание. Только время потратишь и деньги, которых у тебя нет.

Я слушала её и удивлялась, как спокойно она врёт. Ни голос не дрожит, ни дыхание не сбивается. Она действительно отрепетировала эту речь заранее, ещё когда они с Антоном выставляли объявление на сайт.

— Зачем вам продавать его так срочно, со скидкой в три миллиона? — спросила я.

У Галины Петровны на долю секунды дёрнулась левая бровь.

— Это не твоё дело, — отрезала она. — У Антона есть обязательства, ему нужно расширять дела, у него растёт сын, маленькому Тёме нужна нормальная квартира и стабильность. А вы с Лизой прекрасно устроитесь в однушке. Антон обещал, что будет помогать, двадцать тысяч в месяц на ребёнка вполне достаточно, если не шиковать. Сумки ты уже собрала, молодец, ключи оставь на тумбочке, завтра придёт оценщик и покупатель, лишние люди здесь ни к чему.

— Ключи я не оставлю, — ответила я. — Я здесь прописана. И Лиза здесь прописана.

— Выпишу через суд за один месяц как бывшего члена семьи собственника, — спокойно, словно читала лекцию на родительском собрании, ответила свекровь. — Не позорься, Полина. Если будешь упираться и скандалить, Антон просто заберёт Лизу к нам. У тебя полставки, зарплата копеечная, своего угла нет. Любой суд оставит ребёнка с отцом, у которого высокий доход и бабушка-педагог рядом. Ты хочешь, чтобы дочка осталась без матери из-за твоего упрямства?

Она допила кофе, аккуратно сполоснула кружку в раковине и вытерла руки кухонным полотенцем. Всё было сделано так буднично, будто она не вышвыривала меня с внучкой из моего же дома, а объясняла двоечнику, почему он не допущен к экзамену.

Мне страшно захотелось швырнуть ей в лицо распечатку объявления и крикнуть, что у меня в сумке лежат банковские квитанции. Но я вовремя прикусила язык. Если она узнает про квитанции сейчас, они с Антоном успеют подготовиться, придумать встречную легенду или ускорить сделку до завтрашнего дня. Пусть думает, что я действительно «тихая дурочка».

— Хорошо, Галина Петровна, — сказала я тихо, отводя глаза. — Я заберу Лизины учебники и зимние вещи, когда Антон вернётся. Не хочу таскать всё сама.

Свекровь удовлетворённо кивнула.

— Вот и правильно. Антон к двенадцати приедет, я ему скажу, чтобы помог спустить коробки. Всё, мне пора.

Она ушла в гостевую одеваться, а через десять минут её старенький серый «Ниссан» выехал со двора.

Я не стала ждать двенадцати. За двадцать минут я перетаскала в багажник «Шкоды» две дорожные сумки, Лизин рюкзак, её зимний комбинезон, сапоги, коробку с красками и свой ноутбук. Потом поднялась в нашу спальню, сняла со стены единственную фотографию моих родителей в тонкой деревянной рамке и положила на переднее сиденье.

В восемь без пятнадцати я уже стояла у подъезда Светы.

Подруга вывела заспанную, но довольную Лизу, сунула ей в рюкзак два бутерброда с сыром, а потом, когда Лиза убежала садиться в машину, схватила меня за рукав.

— Поль, ну ты скажешь наконец, что случилось? Ты белая вся, как стена, и багажник под завязку набит.

Я быстро, в пяти фразах, без лишних эмоций рассказала ей про больницу, про Олесю с двухлетним сыном, про свекровь и про объявление о продаже дома. Света слушала, и с каждым словом её круглые карие глаза становились всё шире.

— Вот же тварь, — выдохнула она, когда я замолчала. — А я ещё, дура, на твой день рождения в июне сидела за столом и думала: какой у Польки муж внимательный, сам салат нарезал! Подожди, а ты куда сейчас с вещами? К себе ко мне переезжай, пока не разберёшься!

— Не могу, Свет, у тебя у самой двое и муж, нам с Лизой угол нужен отдельный, — сказала я. — Помнишь, ты в августе говорила, что твоя тётка Люба сдаёт однушку на Ново-Садовой, у парка Гагарина? Она ещё свободна?

— Свободна! Квартиранты-студенты на прошлой неделе съехали, тётка только обои на кухне подклеила, — Света мигом достала телефон. — Я ей прямо сейчас позвоню, скажу, что свои, она за двадцать пять отдаст, без залога. А с работой? Тебе же деньги нужны будут, на полставки не вытянешь.

— Я сегодня поговорю с Еленой Викторовной, — кивнула я. — У нас же второй логопед в декрет ушла в сентябре, три группы пустые висят. Возьму полную ставку, буду работать до семи.

— Я сама с ней переговорю до твоего прихода, — твёрдо сказала Света. — Ты только Лизу отвези в школу и дуй в центр. И да, Поль... Ты же не собираешься просто так им этот дом подарить?

— Нет, — ответила я. — Не собираюсь.

Лизу я отвезла в школу, поцеловала в макушку у ворот и пообещала, что вечером мы переедем на время в «новую маленькую квартиру ближе к парку», потому что в доме на Просеке «надо чинить отопление, а папа пока болеет». Лиза нахмурилась, спросила, поедет ли с нами папа, и я соврала, что папа приедет, как только снимет гипс. Я не могла вывалить на восьмилетнего ребёнка правду за пять минут до урока математики.

В половине одиннадцатого, когда я уже договорилась с директором «Речь+» о полной ставке с завтрашнего дня и ехала на Просеку забрать оставшиеся Лизины книги и свой рабочий шкафчик с логопедическими карточками, у ворот нашего дома уже стоял чёрный «Тигуан» с помятым передним крылом.

Антон приехал раньше двенадцати. Видимо, Галина Петровна успела ему позвонить.

Я заглушила мотор за калиткой, взяла телефон, незаметно включила на нём диктофон и сунула аппарат в нагрудный карман пальто, микрофоном вверх. Потом толкнула калитку и вошла во двор.

Входная дверь была распахнута настежь. Прямо на крыльце стояли два больших клетчатых баула, в которые Антон, судя по всему, одной здоровой рукой кое-как напихал мои зимние вещи, полотенца и постельное бельё. Сверху сиротливо торчал рукав моего серого пуховика.

Сам Антон вышел из прихожей через секунду. Правая рука у него была в жёстком чёрном ортезе и перевязана через шею, на виске красовался небольшой пластырь. Выглядел он не как виноватый муж, а как уставший человек, которому мешают заниматься важными делами.

— Приехала? Хорошо, — сказал он своим привычным мягким, чуть усталым врачебным голосом. — Я собрал, что нашёл в шкафу, остальное потом через маму заберёшь. Давай только без истерик, Поль. Мне врач вообще велел лежать, а я тут твои баулы таскаю одной рукой.

Я остановилась на нижней ступеньке крыльца, глядя на эти клетчатые мешки.

— Три года, Антон? — спросила я тихо.

Он поморщился, словно у него заболела голова.

— Не начинай, пожалуйста. Мы оба взрослые люди и оба видели, что последние годы просто живём рядом по привычке. Ты вся в Лизе, в своих карточках, в доме. Я прихожу с операций выжатый, а тебе даже поговорить со мной не о чем, кроме того, какой котёл ставить. С Олесей я снова почувствовал себя живым. И у нас сын, Поль. Ты должна это понять.

— Я всё поняла ещё вчера в Пироговке, — ответила я ровно. — Мне не нужны объяснения про твои чувства. Мне нужен мой дом.

Улыбка сочувствия на лице Антона исчезла мгновенно. Он шагнул ближе, здоровой рукой опёрся о перила крыльца.

— Полина, мама тебе утром всё объяснила. Дом оформлен на неё. У меня сейчас сложная ситуация, мне нужны деньги, и мы этот дом продаём. Я тебя на улице не бросаю, буду переводить тебе двадцать тысяч на Лизу, квартиру снимешь, ты сама работаешь. Потом, через год-два, когда я выровняюсь, помогу тебе с первым взносом на однушку.

— Ты продаёшь квартиру моих покойных родителей, Антон, — сказала я чётко, глядя ему прямо в глаза. — Я отдала тебе одиннадцать с половиной миллионов в девятнадцатом году. Вы с матерью это знаете. И если вы сейчас подпишите договор с покупателем, я пойду в суд.

Антон тихо усмехнулся. Голос у него стал жёстким, чужим, таким я его за десять лет не слышала ни разу.

— В какой суд, Полина? Не смеши меня. Ты на адвоката даже пятьдесят тысяч не наскребёшь, а судиться будешь два года и всё равно проиграешь, потому что собственник — моя мать. И знаешь что? Если ты действительно сунешься в суд и сорвёшь мне сделку, я не буду играть в благородство.

Он наклонился чуть ниже, так, чтобы я видела его глаза.

— Я подам встречный иск и заберу Лизу себе, — произнёс он раздельно, спокойно, с ледяной уверенностью. — У тебя полставки, зарплата тридцать тысяч, своего жилья нет, ты скитаешься по чужим углам. А у меня высокая белая зарплата, репутация врача и мама-педагог на пенсии. Я найму лучшего юриста, и опека отдаст дочь мне. Ты хочешь остаться и без дома, и без ребёнка? Забирай баулы, Полина, и не делай глупостей.

В нагрудном кармане пальто молча мигал красный огонёк диктофона. Каждое его слово легло в запись чисто, без единого шороха.

Я посмотрела на него. На человека, которому десять лет гладила рубашки и верила больше, чем самой себе. И вдруг поняла, что мне больше не больно. Внутри стало пусто, холодно и очень ясно.

— Хорошо, Антон, — сказала я спокойно, подхватывая первый баул за ручки. — Я тебя услышала.

Он облегчённо выдохнул, явно решив, что сломал меня с первого раза. Он даже не вышел помочь донести тяжёлые мешки до машины, просто развернулся и ушёл обратно в дом, прикрыв за собой дверь.

Я закинула баулы в багажник, села за руль, выключила диктофон и сохранила файл под названием «Антон угроза». А потом достала телефон и открыла переписку с мамой одного из моих учеников, Марина Сергеевна весной с треском разводилась с мужем-бизнесменом и отсудила у него половину имущества, хотя все говорили, что у неё нет ни единого шанса.

Я нашла её контакт и написала короткое сообщение:

«Марина Сергеевна, здравствуйте. Извините, что беспокою. Можно телефон того адвоката, который вёл ваш развод? Очень нужно, срочно».

Ответ пришёл через три минуты. Одно имя и номер телефона:

«Дмитрий Громов, бюро на Куйбышева. Жёсткий, дорогой, хамоватый, но он единственный в Самаре, кого боятся в судах. Скажите, что от меня».

5

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.